

Я не помню, когда и как появилась на опушке. Лес замкнулся за моей спиной, выталкивая из своих глубин на поверхность. Я брела по сугробам, падая от усталости. Варезки застыли от мороза, поэтому пришлось их снять. И теперь колкая корочка льда на снегу резала мне руки, когда я падала. В валенках хлюпало. Кажется, меня угораздило набрать в них снега, который растаял от тепла. Я почти не чувствовала ног.

Где я оказалась?

Вокруг стоял сосновый частокол, обрамленный обрывками серого неба. Где-то вдалеке крикнула птица. Хрустнула ветка под лапой зверя. Лес вслушивался в мое рваное, загнанное дыхание. Он не пытался помочь, но и не хотел погубить.

Собравшись с силами, я продолжила путь. Глаза уже почти не различали дороги. Кажет-

КЕЙЛЕТ РЕЛЬ

ся, все это время я пробиралась по звериной тропе и окончательно заплутала. Это было худшее, что могло случиться с человеком перед самой холодной ночью зимы. В легких хрипело. Ледяной воздух опалял ноздри, скатывался к бронхам, давал мучительно мало кислорода. Я уже почти сдалась, но еще продолжала переставлять ноги.

Вот тогда-то впереди появилась маленькая избушка, скромный охотничий сруб. Я решила, что мне вновь мерещится. За время блужданий по Чаще глаза видели разное, то жестоко обманывая, то пугая обрывками прошлого. Миражи стали привычны. И тем сильнее было удивление, когда пальцы действительно нащупали ручку двери.

Я кое-как сгребла снег в сторону, кожа на руках горела от холода. Дверь с трудом подавалась, пуская внутрь. В избушке меня ждала темнота. Она приняла меня как родную, и я наконец-то укрылась от зимнего ветра и глаз Зверя. Мне стало легче дышать. Кажется, я провалилась в забытье.

Очнувшись, я стащила с себя мокрую шубу, стянула с ног валенки и носки. Мое состояние было плачевным. Я еле двигалась. В голове звенело от жара и боли. Начиналась лихорадка. Я отыскала огниво и зажгла свечку,

СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ

разгоняя темноту. В охотничьем срубе стало чуть-чуть уютнее. Ползком передвигаясь по избе, я принялась рыться в сундуках и ящиках, даже нашла тайник под половицами.

И судьба сжалилась надо мной. Ликуя, я достала из погребка несколько кусков солонины. Нашлись и сухари, и я тут же их разгрызла. Голод, который за эти дни стал привычным, наконец-то отступил, и навалилась сонливость.

Но я не могла ей поддаться. Никто не позаботится обо мне в этой забытой Троицей глуши. Я принялась за дело: набрала снега в ведро, чтобы позже растопить. В сундуках нашелся ворох старых одеял и парочка шкур, из которых получилось неплохое место для ночлега. Я даже сделала самое трудное: вышла на улицу в поисках веток, шишек и другого подходящего для печки топлива.

Мне пришлось снова одеться, натянув холодные вещи на и так настрадавшееся тело. Мокрая шуба, покрытая кровавой коркой, стала неестественно тяжелой. Закоченевшие руки протестующе ныли.

Пытка продолжалась до тех пор, пока окончательно не стемнело. Мое дыхание превращалось в снопы снежинок. Дальше оставаться на морозе было просто невозможно.

КЕЙЛЕТ РЕЛЬ

Я вернулась в дом и стащила с себя окончательно задубевшую от холода одежду. Вскоре весело затрещал огонь в маленькой печке с тонкой трубой дымохода. Понимая, что мокрые ветки будут ужасно чадить, я припасла их напоследок, разломав для розжига стул. Да простят меня хозяева сруба! Крупные ветки, которые удалось отрыть в снегу и затащить в дом, сушились у стены.

Настала ночь. Вскоре пламя в печи ослабло, и в избе стало почти так же холодно, как на улице. Что творилось за окном, было страшно даже представить. Поговаривали, что в такие зимние ночи дыхание замерзло у человека в горле. Казалось, за окном умерло все живое. Только завывания ветра нарушали ночную тишину. Я сумела заварить себе трав от лихорадки и постоянно щипала себя за щеки, чтобы не уснуть.

Любой ребенок знает, что такая ночь несет смерть всем, кому не хватило ума укрыться в теплом доме со своей семьей. У меня не было ни того, ни другого. Оставалось надеяться лишь на заброшенный сруб и слабое пламя в печи.

Дни пролетали незаметно. Морозы не отступали, но уже были не столь жестокими. Впрочем, их злости и так хватило, чтобы ис-

СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ

портить мне жизнь. Я жила, но часть меня заледенела. И душа пострадала от стужи не меньше тела.

Мои руки с трудом двигались. Мороз навредил каждому кусочку моей кожи, каждой части тела. Больше всего я жалела о пальцах. Когда-то ловкие и изящные, они превратились в неповоротливые деревяшки, которыми не стоило даже пытаться собирать травы или плести кружево. Я каждый день пыталась разрабатывать суставы, но снова и снова приходила в отчаяние.

Темный заброшенный сруб оказался единственным подарком судьбы. Я не знала, сколько уже провела в лесу. Затуманенный мозг не мог подсчитать, когда все произошло и сколько оставалось до Зимнего дня. Я потерялась во времени, одинокая и беззащитная.

За окном каждый вечер сыпал снег. Поутру мне приходилось откапывать убежище и перебрасывать снег к стенам, чтобы меньше задувало в щели.

Но однажды зима закончилась. Я поняла это по звонкой капели и частым крикам птиц. Лес оживал, стряхивал с себя снежную шапку и разворачивался к солнцу и жизни. Вместе с ним воскресала и я.

КЕЙЛЕТ РЕЛЬ

Я отыскала небольшую речушку недалеко от моего убежища. Холодный быстрый поток уносил прочь обломки деревьев после вьюг. На берегу лежали пластинки льда, хрупкие и острые, как осколки стекла.

Я пыталась рассмотреть себя в зыбком отражении. Мою одежду покрывали пятна крови, а волосы слиплись от грязи и сора. Я сбежала из замка ужасов, однако случившееся навсегда заклеямило меня. Волосы стали темнее, напитались магией. Или кровью невинных? Глаза тоже казались изменившимися. Не могут же они остаться прежними, когда повидали столько горя? Однако пугало меня не это.

Мои ногти заострились, стали темнее и тверже. У людей не бывает таких. Я слышала от матушки, что иногда ведьмы ожесточались настолько, что их облик менялся. Таких у нас называли каргами. Перевоплощения случались редко, но именно про этих ведьм люди сочиняли небылицы, описывая в сказках их козни и злобу.

Я не ожидала, что стану каргой. Я не ожидала, что мое сердце окаменеет.

Однако у судьбы были свои планы.

СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ

Запасы крупы и прочей снеди в избушке почти закончились, и мне пришлось выходить на промысел. Получалось ни шатко ни валко. Во время одной из таких вылазок я набрела на тропу с глубокими следами от саней.

Она уходила на юг, где лес постепенно редел. Я прошла по ней до самой опушки и с удивлением обнаружила в низине небольшое село. Оно раскинулось меж двух холмов. Прямо рядом с ним змеилась лесная речка, а вдалеке виднелись сторожевые башни, за которыми начиналась Пустошь. Деревню надежно укрепили от врагов. Вокруг нее высился прочный частокол и даже был выкопан небольшой ров, сейчас переполненный из-за талого снега. Вот только зачем маленькой деревушке такая защита?

Я не решилась подойти ближе: мне могут быть не рады. Чужаков на севере не любили. Я удалилась обратно в лес, подумав попытать удачи в деревне позже, с наступлением первых праздников. Народ расслабится и не обратит внимания на мой странный потрепанный вид.

Да и торговцы в начале весны обычно не рискуют выходить на тракты с товаром. Мое появление вызовет массу вопросов. Как про-

КЕЙЛЕТ РЕЛЬ

стая девушка забралась так далеко на север? Караванов не ходило, связь между селами пропадала. А тут чужачка со странными когтями на руках.

Рассудив, что деревня никуда не денется, я вновь забила к себе в норку. Так прошло еще несколько тихих спокойных дней, а потом на моем пороге появились гости.

Дверь содрогнулась от нескольких мощных ударов. Я забила в угол, с ужасом кутаясь в ворох шкур и одеял.

— Эй! — гаркнули с улицы. — Кто таков?

Мой взгляд перебегал с распотрошенного погребка на остатки разломанного стула. Хозяева вряд ли обрадуются, что всю зиму какая-то приживалка подъедала их запасы.

— Эй, — снова крикнул незваный гость. — Ты кто таков и зачем избу здесь построил?

— И когда? — несмело возразил другой. — За зиму не построишь, по таким-то морозам. Сруб словно с неба свалился.

— Если бы утка с неба упала, я б еще поверил. А сруб? Нет, ведьмовство тут какое-то.

Дверь снова затряслась от мощных ударов. Я сидела ни жива ни мертва и думала, как выкручиваться. Решение у меня было одно, и оно ой как мне не нравилось.

СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ

Я накинула на голову платок и отворила дверь.

— Ну? — проскрипела я. — Зачем пожаловали, молодчики?

Мои когти щелкнули у самого носа одного из охотников, что пожаловали ко мне на порог. Я горбилась, скрывая лицо, и размахивала руками, точно полоумная старуха. Мужчины испуганно отпрянули, таращась на черные когти.

— Хотите знать, кто такова? — прохрипела я, надрывая болезненное горло. — Ведьма я. Адой кличут. Чего надоть? Растирочки, настоечки? У меня на продажу нет, потом приходите.

Я ощерилась. Спутанные космы прикрывали мое лицо. Представляю, каково деревенским было смотреть в горящие глаза сумасшедшей ведьмы, стоя посреди леса.

— Чур меня, — выдохнул первый.

— Чур! — воскликнул второй.

— Ну так что брать-то будете? — спросила я. — Чуров не делаю. Их только летом.

Однако мужички не слушали. Они уже неслись по подтаявшему снегу в сторону деревни, не забывая оглядываться и осенять меня защитными знаками. Глупые.

КЕЙЛЕТ РЕЛЬ

Я довольно улыбнулась. Все эти суеверные скрещивания пальцев мало помогали против магии. А вот арбалетный болт мог навсегда избавить эту парочку деревенских олухов от проблем. К счастью, они об этом не знали.

Я вернулась в избу и устало сползла по стенке. Да уж, знакомство с селянами не выдалось: теперь будут во мне видеть исключительно опасную тварь с когтями и горящими глазами, а там уж и до инквизиции недалеко. А может, они не узнают в аккуратно причесанной девице косматую бабку из леса?

Большее охотники к моему логову не пытались подобраться. Каждый знал, что Чаща и ее духи вольны творить все, что им угодно. Охотник мог заплутать и вернуться домой через много лет, хотя сам думал, что лишь переночевал в лесу и сразу отправился домой.

В густой Чаще водились создания, имен которых не знала даже я. С ними сложно было договориться, поэтому люди предпочитали просто не забредать слишком глубоко. Тем более, когда стало известно о появлении карги на опушке.

Я готовилась. Запасы еды совсем иссякли, а золота у меня было не больше, чем у лесной белки. Свободное время я посвящала сбору компонентов для снадобий, чтобы прийти в деревню не с пустыми руками. А главное, мне хотелось показать людям, что я не при-